

ISSN 0869-5687

Российская академия наук

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

2001 * 6

ЕЩЕ РАЗ О "ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗАВЕЩАНИИ"

Г.В. ПЛЕХАНОВА

Как историк рабочего движения, особенно российского, я занимаюсь в настоящее время деятельностью и личностью Г.В. Плеханова и с большим интересом познакомился с его так называемым "Политическим завещанием", опубликованным 30 ноября 1999 г. "Независимой газетой" (Москва). Документ этот сразу же вызвал споры среди российских ученых: Г.Х. Попов ничуть не сомневается в его подлинности, тогда как Е.Л. Петренко, Т.И. Филимонова, С.В. Тютюкин и А.А. Чернобаев в своей совместной статье, напротив, решительно подвергают эту точку зрения сомнению. Со страниц "Независимой газеты" дискуссия переключалась в журнал "Свободная мысль" (2000. № 6. С. 81–94), где, помимо уже названных четверых авторов, изложил свое мнение и философ М. Грецкий.

Я тоже хотел бы высказать свое отношение к данному вопросу, а также к содержащимся в обсуждаемом документе некоторым конкретным историческим фактам. Начну с проблемы подлинности "Завещания". Аутентичность его содержания подтвердил директор Дома-музея Г.В. Плеханова в Липецке историк А.С. Бережанский, который в научном плане занимается, насколько мне известно, ранним Плехановым. Однако редакция "Независимой газеты" не привлекла к экспертизе самых известных знатоков русского марксиста, особенно исследователей из Дома Плеханова в Санкт-Петербурге, а также доктора исторических наук С.В. Тютюкина из Москвы – автора новейшей капитальной биографии Г.В. Плеханова. Указанные "поставщиком" документа кандидатом физико-математических наук доцентом Н.И. Нижегородовым лица, якобы знающие о "Завещании", не являются, насколько мне известно, историками, по крайней мере историками России XX в. Неясно, почему их следует считать компетентными в обсуждаемом вопросе.

Подлинность документа должна доказывать опубликованная в том же номере "Независимой газеты" история составления завещания, якобы продиктованная другом и доверенным лицом Плеханова Л.Г. Дейчем племяннику Георгия Валентиновича Сергею Григорьевичу в 1918 г. По мнению А.С. Бережанского, она подлинная, но где находится автограф этих воспоминаний и каким путем этот текст попал к Бережанскому, остается неясным¹.

С.В. Тютюкин решительно утверждает, что никакого "Политического завещания" Г.В. Плеханов не писал и не диктовал. Дейч же довольно подробно рассказывает о том, как его тяжело больной учитель и друг диктовал ему свое "Завещание". При этом он лаконично утверждает, что саму диктовку, а затем и текст "Завещания" необходимо было скрывать от заботливо опекавшей больного Плеханова его жены Р.М. Боград-Плехановой, но почему это нужно было делать, не объясняет.

Л.Г. Дейч признает, что при Плеханове записанный под его диктовку текст он не переписывал и не давал ему на подпись, а переписал "Завещание" позднее, в Петрограде. Но он не указывает, когда именно это было сделано. Некоторые формулировки Плеханова, по словам Дейча, его "возмутили", но он все же решил оставить текст "Завещания" таким, каким его продиктовал Плеханов. При этом Дейч не говорит, как именно Плеханов просил распорядиться "Завещанием", но зато прямо утверждает: "...Для увековечения памяти Плеханова будет, по-видимому, лучше, если его завещание никогда не увидит света"². Из этого вытекает, что великий русский марксист желал чего-то, чего Дейч не выполнил (например, опубликования текста "Завещания", вероятно, вопреки воле его жены, которая была ближайшим, в том числе и политически, доверенным лицом Г.В. Плеханова). В итоге "Завещание" попросту скрыли, причем не только от советских властей, но даже от русской эмиграции и Запада.

В сохранившихся дневниковых записях Дейча есть указание на то, что в апреле 1918 г. он был у Плеханова в Финляндии и слушал его рассказы, но при этом он добавляет, что многие мысли, услышанные от своего друга, он не запомнил³. Судя по этой записи Дейча от 24 апреля 1918 г., рассказов Плеханова он не записывал и многое из них попросту забыл. Таким образом, дневник Дейча вступает в явное противоречие с опубликованной в "Независимой газете" историей составления "Завещания", хотя, казалось бы, сугубо личный дневник Дейча должен был отразить факт составления подобного документа. Странно, не правда ли?

А.С. Бережанский оговаривается, что в той же мере, в какой ему кажутся достоверными первые шесть разделов "Завещания", авторство Плеханова в седьмом разделе (скорее в той его части, которая посвящена будущему социализму в России, вопросам экологии, технического прогресса и т.д.) выглядит весьма

сомнительно и его "нельзя подтвердить"⁴. Естественно, возникают вопросы: почему и каким образом к шести "аутентичным" разделам был дописан седьмой, кто, когда и для чего это сделал? И чем подтверждается аутентичность первых шести разделов?

... Не производят на меня впечатление аутентичных и различные формулировки из разделов второго и других, хотя это мое мнение можно оспаривать. Зато бесспорно сомнительными мне представляются якобы достоверные высказывания Г.В. Плеханова по вопросу аграрной политики большевиков. Он негативно оценивал (как уже свершившийся факт!) введение хлебной монополии и отправку в деревню продовольственных отрядов⁵, причем сделано это было Плехановым, судя по записям в дневнике Дейча, ранее 24 апреля 1918 г. Между тем хлебную монополию, по мнению абсолютно всех исследователей и по свидетельству абсолютно всех источников, начали вводить в советской России лишь после 8 мая 1918 г. Продовольственные же отряды по призыву Ленина начали создавать и направлять в деревню с 24 мая того же года, т.е. месяц спустя после диктовки "Завещания" Плехановым⁶. Трудовая повинность действительно была, но она вводилась постепенно и дифференцированно (в отношении саботажников и буржуазии) лишь с 27 марта 1918 г., а особенно после 28 апреля того же года. В отношении же рабочих ее ввели лишь с осени 1918 г.

Слова "ставится вопрос о... трудовых армиях"⁷ нельзя приписывать Плеханову, поскольку тезис о трудовых армиях Л.Д. Троцкий выдвинул лишь 16 декабря 1919 г., т.е. через полтора года после смерти автора "Завещания", а первую такую армию создали в январе 1920 г.

Содержащееся в "Завещании" утверждение, что большевизму была присуща "вера в способность пролетариата самостоятельно (выделено мною. – Я.К.) наладить производство", совершенно расходится с тогдашней коммунистической политикой. Во всяком случае с политикой, энергично и публично форсируемой Лениным, который доказывал, что обязательным является приглашение (именно приглашение, а не принуждение) специалистов-интеллигентов к управлению производством⁸.

В тексте "Завещания" содержится ряд непонятных, внутренне противоречивых формулировок и терминов, не употреблявшихся в 1918 г. (например, "гуманизация", "тотальный" и др.), а также некоторые фактические неточности.

Резюмирую свои критические замечания: "Завещание" является не авторизованным текстом Г.В. Плеханова, а в лучшем случае заметками Л.Г. Дейча, подготовленными самое раннее в июне 1918 г. Может быть, даже с позднейшими дополнениями, сделанными даже после 1918 (1920?) г. Все ли они принадлежат перу Дейча, неизвестно. Конечно, большая часть текста представляет интерес для читателя-неспециалиста с той оговоркой, что перед нами краткое изложение взглядов не только самого Плеханова, но и русских меньшевиков периода 1917–1918 гг., и социал-демократов более позднего периода. Наконец, здесь нашли отражение и взгляды, распространенные в международном социалистическом движении. Вдобавок "Завещание" производит впечатление подчеркнуто актуализированного документа. Когда и кем, ради чего?

**Я. Канцевич, доктор habilitationi
(Варшавский университет, Польша)**

Примечания

¹ В публикации нет информации о том, что представлял собой этот Сергей Григорьевич Плеханов – племянник Георгия Валентиновича.

² Независимая газета. 1999. 30 ноября. С. 13.

³ См.: Вопросы истории. 1996. № 3. С. 16. Эти "Записи" Л.Г. Дейча после его смерти в 1941 г. были просмотрены сотрудниками НКВД. Позднее благодаря вдове Дейча остатки его архива были переданы государству.

⁴ Б е р е ж а н с к и й А. "Завещание" принадлежит именно Плеханову // Независимая газета. 1999. 30 ноября. С. 13.

⁵ Политическое завещание Г.В. Плеханова // Там же. С. 10.

⁶ Очевидно, случаи реквизиций в селах в условиях голода и революционного хаоса имели место уже с осени 1917 г., но их нельзя приписывать политике партии большевиков.

⁷ См.: Политическое завещание Г.В. Плеханова. С. 10.

⁸ Там же. Правда, резкость полемики Ленина с эгалитаристскими настроениями (специалистам предлагалась достаточно высокая оплата) свидетельствует, что в массах такая вера в самостоятельность, вероятно, существовала. Но обвинение большевизма как целого в том, что это «идеология Бакунина, "обогащенная" идеями анархо-синдикалистов» (с. 10), не соответствует фактам.

Комментарий к письму Яна Канцевича

Дискуссия (правда, довольно вялая, как и все, что связано сегодня с социал-демократией) вокруг "Политического завещания" Г.В. Плеханова продолжается на страницах "Независимой газеты" и журнала "Свободная мысль", а также в научных монографиях и диссертациях вот уже 2 года, хотя подлинность самого текста "Завещания" остается недоказанной, и, как мне представляется, никогда доказана не будет. В этом еще раз убеждает и опубликованное выше письмо уважаемого польского коллеги профессора Варшавского университета Яна Канцевича, выступающего в роли опытного и квалифицированного эксперта, который смотрит на данную дискуссию как бы со стороны, не внося в нее никаких политических и идеологических пристрастий (автор письма – убежденный социал-демократ, и его нельзя заподозрить ни в прокоммунистических симпатиях, ни в стремлении принизить роль Г.В. Плеханова в российском и мировом социалистическом движении).

Я уже дважды имел возможность высказать свое отношение к "Завещанию" и должен сказать, что статьи Н.И. Нижегородова, А.С. Бережанского и Г.Х. Попова не поколебали моей позиции. Поэтому я не буду вновь заниматься текстологическим анализом "Завещания", в котором невооруженным глазом можно заметить массу совершенно не свойственных Плеханову терминов и выражений, не говоря уже о некоторых его "прозрениях" относительно судьбы социализма в России, которыми так восхищаются публикаторы этого "документа", но которые никак не могли родиться весной 1918 г. и несут весьма конъюнктурный и сугубо современный характер. Кстати говоря, в подлинности седьмого раздела "Завещания" под названием "О государстве, социализме и будущем России" сомневается даже профессор Г.Х. Попов, в общем и целом склоняющийся к тому, что "Завещание" действительно было продиктовано Плехановым, причем главный его довод в пользу авторства Плеханова – глубина содержащегося в "Завещании" научного анализа.

Со своей стороны хотел бы заметить, что ссылки на гениальность Плеханова, позволившую ему заглянуть в будущее России чуть ли не на 100 лет вперед, кажутся мне, мягко говоря, некоторым преувеличением. Георгий Валентинович Плеханов действительно был выдающимся сыном России, глубоким и ярким мыслителем, патриотом своей великой страны, но признаками гениальности он все-таки не обладал. Вместе с тем многие мысли, высказанные в седьмом разделе "Завещания", в постсоветский период стали буквально общим местом в нашей либерально-демократической периодике, причем высказывают их отнюдь не гении, а вполне обыкновенные профессора и доценты, преподававшие недавно основы научного коммунизма, историю КПСС или марксистскую философию. На Западе обо всем этом писали еще раньше и притом многократно, так что скомпилировать их истинным авторам "Завещания" (а их, мне кажется, было несколько) не представляло большого труда.

Характерно, что подлинные авторы "Завещания" вложили в уста умирающего Плеханова те "поправки" к марксизму, которые действительно внес XX век: новые подходы к социальной стратификации общества, принципиальное изменение состава, облика и роли рабочего класса (отказ от его гегемонии и диктатуры), некоторая гуманизация и значительная рационализация капитализма, ослабление классовой борьбы и т.д. Сегодня они воспринимаются уже достаточно спокойно, но трудно предположить, что Плеханов "дозрел" до них, не имея для этого необходимого статистического и фактического материала, еще в 1918 г. Могут понять желание некоторых наших современников "подтянуть" его к взглядам нынешних деятелей Социал-терна, но серьезные оснований для этого, как мне представляется, все же нет.

Конечно, временами Плеханову было уже "тесно" в рамках "классического" марксизма XIX в. Недаром, полемизируя с тем же Бернштейном и объявляя ему "войну" не на жизнь, а на смерть, он одновременно признавал в письме к П.Б. Аксельроду, что "кое в чем" Бернштейн прав и на близкое осуществление социалистического идеала рассчитывать нельзя (Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова Т. II. М., 1973. С. 305). В годы Первой мировой войны Плеханов отошел от известного положения Маркса и Энгельса о том, что у пролетариата нет отечества, поставив вопрос о соотношении патриотизма и интернационализма уже по-иному. Однако на кардинальные "поправки" к марксизму Плеханов тем не менее не шел, оставаясь до конца своих дней ортодоксальным марксистом (неясно в этой связи, почему в первом разделе "Завещания" он называет себя "последовательным марксистом-диалектиком", "верным последователем" своих учителей Маркса и Энгельса, но в то же время отрицает марксистскую ортодоксальность своих взглядов).

Вероятно, в принципе возможные предсмертные "озарения", когда мысль безнадежно больного человека вдруг приобретает какую-то особую ясность и глубину и смело устремляется в будущее, поднимаясь на такие высоты, которые были до этого человеку просто недоступны. Однако непредвзятое сравнение статей Г.В. Плеханова, опубликованных в газете "Единство" в 1917–1918 гг. (позже они вошли в до сих пор не переизданный парижский двухтомник "Год на родине"), и текста опубликованного ныне в "Независимой газете" "Завещания" позволяет сделать вывод о маловероятности подобной предсмертной метаморфозы применительно к Плеханову. Слишком уж велика интеллектуальная дистанция между этими произведениями, слишком трудно поверить, что их автором является один и тот же человек – Георгий Валентинович Плеханов.

Напомню, что в последнее десятилетие своей жизни Г.В. Плеханов меньше всего занимался социально-экономической и политической глобалистикой, уступая в этом отношении и Ленину, и Каутскому, и Троцкому, и даже Бухарину. В этом убеждает и анализ его работ 1907–1914 гг. с явным уклоном в историю общественной мысли и сюжеты, связанные с литературой и искусством, и довольно однообразное и не слишком богатое новыми глубокими мыслями содержание его статей периода Первой мировой войны, и публицистика Плеханова 1917 г.

Сейчас мне хотелось бы, однако, привлечь внимание читателей к некоторым деталям истории "Завещания", как она представлена в сопроводительных материалах и публикации в "Независимой газете" от 30 ноября 1999 г. (я имею в виду статью "владельца" "Завещания" Н.И. Нижегородова "Как этот документ попал в мои руки" и "воспоминания" Л.Г. Дейча "Он диктовал на смертном одре").

Действие первой серии этого исторического детектива разворачивается в санатории в местечке Питкяярви в апреле 1918 г. (тогда это была территория Финляндии, а до провозглашения ее независимости и в настоящий момент – территория России). Туда навестить тяжело больного Г.В. Плеханова приезжает его старый друг со времен революционного народничества, а затем член группы "Освобождение труда", социал-демократ меньшевистского толка и, наконец, член петроградской плехановской группы "Единство" Лев Дейч. Жена Плеханова Розалия Марковна предупреждает гостя (так по крайней мере утверждает в своих "воспоминаниях" сам Дейч), что Георгий Валентинович хочет продиктовать свое политическое завещание и просит его не соглашаться на участие в этой процедуре, поскольку она может лишь ускорить физический конец Плеханова. Тем не менее Дейч не может отказать умирающему, и тот в течение двух недель буквально "шепчет" ему (ведь у Плеханова туберкулез горла) свои последние мысли, занимающие после переписки несколько десятков страниц.

Естественно, сразу же возникает ряд вопросов. Могло ли у Плеханова хватить физических сил на подобную диктовку, если принять во внимание ее продолжительность и неординарную авторскую ответственность за каждое слово, обращенное к потомкам и к самой Истории? Могла ли не заметить таких диктовок жена Плеханова, видевшая свой первейший долг в заботе о здоровье мужа? Согласилась ли бы она – главная прямая наследница Плеханова – выпустить из своих рук столь драгоценный, хотя и "опасный" в условиях большевистской диктатуры документ? Могла ли она доверить эту последнюю тайну боготворимого ею мужа болтливому и достаточно "шаткому" в своих убеждениях Дейчу? Наконец, мог ли этот надиктованный "документ" быть таким "гладким" в литературном отношении (ведь Дейч признает, что не успел до отъезда из Питкяярви перечитать его Плеханову для внесения необходимых исправлений) и включать в себя некоторые цитаты из произведений Ленина, Энгельса, Бебеля и даже Мольтке? Думаю, что дать сколько-нибудь удовлетворительные положительные ответы на все эти недоумения было бы достаточно трудно.

Малоправдоподобно также, чтобы Плеханов закончил "Завещание" загадочной фразой, представляющей собой переставленные местами слоги латинского выражения "Я сказал и спас душу", написанные кириллицей (см.: Независимая газета. 1999. 4 декабря. Письмо А. Вебера). Думаю, что умирающему Плеханову было уже не до подобных интеллектуальных игр, особенно если учесть, что он оставил "Завещание" стране, где новой власти и миллионам простых россиян было явно не до латыни, которой они тогда просто не знали, как не знают ее и сейчас.

Вторая серия детектива переносит нас в Петроград, куда возвратился от Плеханова Дейч и где в июне 1918 г. состоялись похороны "отца русского марксизма". Там Дейч переписал наконец свои заметки и всерьез задумался над их содержанием. Он даже решил показать "Завещание" В.И. Засулич, которая была еще более близким другом Плеханова. Ей некоторые места "Завещания", в частности отказ от идеи диктатуры пролетариата, тоже очень не понравились (видимо, и Дейч, и Засулич сочли их отступлением от тех принципов, которыми они вместе с Плехановым руководствовались в своей прошлой революционной деятельности), но все же она склонялась к тому, что нужно исполнить последнюю волю любимого друга, который прямо сказал Дейчу, что опубликовать "Завещание" можно будет только тогда, когда большевики уже не будут в России у власти. Сам же Дейч считал, что лучше всего будет, если "Завещание" никогда не увидит свет (почему, не ясно).

Может быть, поэтому или по какой-либо другой причине Дейч решил избавиться от "Завещания", но передал его не вдове Плеханова (что было бы вполне естественно), а его племяннику Сергею, который якобы неожиданно объявился летом 1917 г., когда возвратившиеся из эмиграции Георгий Валентинович и Розалия Марковна жили летом на даче в Царском Селе (кстати говоря, в известных воспоминаниях Р.М. Плехановой он даже не упоминается). Согласитесь, что все это выглядит довольно странно, особенно то, что С.Г. Плеханов, видимо, "на всякий случай" записал 30 июня 1918 г. со слов Дейча всю приведенную выше историю составления "Завещания" и хранил потом эту запись вместе с "Завещанием" почти 20 лет, до конца 1937 г. Неясно также, каким образом содержание "Завещания" стало известно, как утверждают А.С. Брежанский и Н.И. Нижегородов, Ленину и Сталину. То ли о нем проболтался кому-то Л.Г. Дейч, то ли здесь хорошо поработали агенты Дзержинского? Непонятно и другое: если "Завещание" действительно

было и если о нем знали Ленин и Сталин, то как они могли удержаться от того, чтобы использовать подобный "компромат" в борьбе с меньшевиками, которых оба они ненавидели до глубины души?

Третья серия нашей теперь уже детективной драмы происходит в судьбоносном для России 1937 г. где-то в Сибири. Здесь каким-то образом "пересеклись" пути арестованного к тому времени С.Г. Плеханова и нового персонажа этой истории – дальнего родственника Г.В. Плеханова Г.В. Барышева. Предчувствуя близкий конец, Сергей Плеханов то ли передал завоевавшему его доверие и расположение молодому человеку саму "закодированную" рукопись "Завещания", то ли указал место ее нахождения, а также раскрыл секрет кодировки. Прошло еще 20 лет, и только тогда Барышев дал переписать "Завещание" (видимо, к тому времени уже расшифрованное?) своему ученику по Липецкому строительному техникуму Н.И. Нижегородову, который заинтересовался личностью Г.В. Плеханова и его взглядами и, видимо, приглянулся чем-то учителю. В 1975 г. Нижегородов еще раз переписал "Завещание", но лишь к 1997 г. вместе с директором Дома-музея Плеханова в Липецке А.С. Бережанским окончательно убедился в подлинности "Завещания". И снова поднимаются вопросы: где гарантия того, что текст "Завещания", – если даже допустить, что оно все-таки существовало, – после всех этих кодировок, расшифровок и неоднократных переписываний является аутентичным? Кто это засвидетельствует? Какой суд признает авторство Г.В. Плеханова?

Действие четвертое и пока последнее. Н.И. Нижегородов, находящийся уже не в России, а в Ботсване, где он работает в качестве университетского преподавателя, присылает в 1999 г. текст "Завещания" в Москву – сначала в редакцию газеты "Известия", а после того, как там выразили сомнения в его подлинности (редакцию консультировала заведующая Домом Плеханова в Петербурге Т.И. Филимонова, считающая "Завещание" типичным апокрифом), предлагает этот материал главному редактору "Независимой газеты" В. Третьякову. Тот какое-то время размышляет, но накануне выборов в Государственную Думу публикует "Завещание" с комментариями А.С. Бережанского и сопроводительными материалами Н.И. Нижегородова, хотя и не уверен до конца в том, что оно подлинное.

Предоставим читателям самостоятельно судить о правдоподобности всей изложенной выше истории. На мой взгляд, в ней слишком много алогизмов и нестыковок, чтобы принять ее на веру даже в наш, тоже похожий на детектив, безумный век. Дальнейшее известно. Подлинность "Завещания" была оспорена на страницах той же "Независимой газеты" Т.И. Филимоновой, Е.Л. Петренко, А.А. Чернобаевым и автором этих строк. Интересная деталь: наш ответ длительное время лежал без движения в редакционном портфеле до тех пор, пока 1 марта 2000 г. в "Независимой газете" не появился пространный, хотя и малоубедительный сочувственный отклик на "Завещание" профессора Г.Х. Попова. А через два дня, 4 марта увидел, наконец, свет и наш ответ, к которому я и отсылаю всех, кто интересуется данным вопросом, поскольку просто отмахнуться от приведенной там аргументации, по-моему, нельзя. Впрочем, за нашей статьей последовали 10 июня 2000 г. и 26 мая 2001 г. ответы А.С. Бережанского, продолжавшего без видимого успеха отстаивать свою первоначальную версию. Есть также информация, что Н.И. Нижегородов готовит книгу о "Завещании" Г.В. Плеханова.

Говоря о тексте, опубликованном 30 ноября 1998 г. в "Независимой газете", хотелось бы выразить удивление по поводу не оговоренных публикаторами и редакцией купюр в его тексте, обозначенных отточиями. Непонятно, чем это вызвано и что из "продиктованного Плехановым" не предназначено для современного читателя? Публикаторы не сообщают также, намерены ли они, как "просил Плеханов", передать несколько строк из заключительной части "Завещания" "будущему демократическому правительству России", которое ныне существует?

Профессор Ян Канцевич недоумевает в конце своего письма по поводу того, зачем в конце 1999 г. потребовалась публикация "Завещания" Плеханова. Думаю, что российским читателям здесь как раз все ясно: ведь "Завещание" наносило еще один удар по Ленину и коммунистам со ссылкой на авторитет Г.В. Плеханова, который у многих россиян и сейчас еще довольно высок, пропагандировало некоторые модные идеи постсоветской реставрации.

Однако к науке подобные спекуляции не имеют никакого отношения. И к Плеханову тоже, хотя он действительно был принципиальным противником Ленина и большевизма, считая, что прежде, чем строить социализм, Россия должна до конца пройти школу капитализма. Согласитесь, что отрицание возможности строить социализм в 1917–1918 гг. отнюдь не равнозначно призыву к реставрации капитализма в начале XXI в. после растянувшегося на 70 с лишним лет социалистического эксперимента. И я отнюдь не уверен, что сегодня Плеханов был бы с нашими реформаторами и современными российскими социал-демократами, как не могу признать подлинным и его так называемое "Политическое завещание". Да и выходить из создавшейся ситуации нужно сегодня самим, не прибегая к помощи авторитетов давно минувших дней.

С.В. Тютюкин, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)